

деров групп представляется весьма проблематичным, наиболее правильным выходом видится выявление неформальных лидеров и работа с ними. В случае правильного подбора руководителя, обладающего перечисленными выше личностными качествами, лидер группы становится информационным лидером, наделенным кредитом абсолютного доверия в коллективе.

Список использованной литературы

1. Бодалев, А. А. О коммуникативном ядре личности / А. А. Бодалев // Советская педагогика. – 1990. – № 5. – С. 19–25.
2. Годфруа, Ж. Что такое психология / Ж. Годфруа. – М.: Мир, 1992. – 376 с.
3. Столяренко, А. М. Социальная психология: учеб. пособие для вузов / А. М. Столяренко, 2-е изд. доп., Москва: «Юнити-Дана», 2009. – 511 с.
4. Пономаренко, В. В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов») / В. В. Пономаренко. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – 252 с.

УДК 159.99

ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНОГО БУЛЛИНГА И НАСИЛИЯ СРЕДИ СВЕРСТНИКОВ В МЛАДШЕМ ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В. Е. Морозов, А. В. Музыченко

Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
vmorozovipbgpu@gmail.com , muzychenko10@mail.ru

Исследуется проблема буллинга как вида деструктивного взаимодействия в младшем подростковом возрасте в условиях школьного обучения. Представлены результаты диагностики ролевых аспектов поведения, значимых с точки зрения изучения буллинга, а также особенностей групповых отношений учащихся учреждений общего среднего образования, находящихся в различных социально-экономических условиях (город областного значения, город районного подчинения, сельский населенный пункт). Исследование позволило уточнить особенности влияния как индивидуально-личностных, так и социально-средовых факторов на поведение младших подростков в ситуации буллинга.

1. Введение

В современном мире чрезвычайно остро стоит проблема психологического благополучия и устойчивости личности, причем как на уровне государственной политики, так и на уровне обеспечения психологической безопасности отдельных групп, отдельного человека. Все чаще в процессе социального взаимодействия имеют место такие формы деструктивного поведения, как боссинг, буллинг, агрессивные нападения и другие формы социального притеснения.

Формирование новых способов и форм поведения, деятельности, взаимоотношений с окружающими в онтогенезе происходит постоянно. Однако в тех случаях, когда человек попадает в новые для себя ситуации, этот процесс происходит особенно интенсивно. Так, например, поступая в учреждение общего среднего образования, ребенок сталкивается с необходимостью осуществления новых видов и форм деятельности, опробуя которые он может быть подвергнут критике со стороны других людей. Диапазон такого критического отношения достаточно велик – от тактичных замечаний до открытой агрессии. Часто в подростковом и юношеском возрасте это приобретает характер агрессивно-конфликтного взаимодействия, сопровождающегося проявлением систематической агрессии, травли и других форм девиантного поведения. Среди многих видов насилия в школе травля (буллинг) является одной из самых важных проблем. Очевидно, что травля как форма социального взаимодействия присуща отнюдь не только школьной среде: она возникает практически в любой группе, характеризующейся наличием четко очерченных социальных границ и постоянного общения ее членов. А вот тот факт, что учащиеся регулярно сталкиваются с травлей в школе, лишь подчеркивает закономерность возникновения и распространенность данного явления. По данным зарубежных и отечественных исследований примерно от 20 до 50 % учащихся школ сталкивались с различными видами агрессии и травли [1].

2. Современное состояние проблемы и краткий обзор сопутствующих работ

Общепринятым считается определение буллинга, предложенное в 1993 г. норвежским психологом Д. Ольвеусом, согласно которому рассматриваемое явление представляет собой преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [2].

Несмотря на всю важность изучения причин и последствий буллинга, в психологической науке до сих пор не существует единого подхода для решения проблемы его роста, как нет и единой теоретической парадигмы, позволяющей в системном ключе осуществлять превенцию распространения этого негативного явления.

Можно констатировать существование целого ряда противоречий, главные из которых следующие:

- между возрастающей проблемой распространенности деструктивных взаимоотношений между участниками образовательного процесса и неизученностью ситуации буллинга в образовательной среде;

- между изученностью психологических особенностей детей-жертв различных видов насилия и недостатком данных о психологических характеристиках детей-жертв буллинга, а также об образе детей-обидчиков в ситуации буллинга в образовательной среде;

- между потребностью психологической теории и практики в знании сущности буллинга, его форм и причин, психологических характеристик участников буллинга и отсутствием систематизированных данных об этом явлении и его участниках в современной научной литературе.

Анализ отечественных (И. С. Бердышев, А. А. Бочавер, В. Н. Бутенко, Е. Н. Волкова, О. Л. Глазман, И. С. Кон, С. В. Кривцова, А. А. Нестерова, М. Г. Нечаева, В. Р. Петросянц, О. А. Селиванова, К. Д. Хломов, Т. С. Шевцова, Л. Б. Шнейдер и др.) и зарубежных (A. Crump, P. Eitel, D. Haynie, T. R. Nansel, D. Olweus, M. Overpeck, R. S. Pilla, W. J. Ruan, C. Salmivalli, K. Saylor, P. Scheidt, B. Simons-Morton, K. Yu и др.) исследований показывает, что буллинг – это не только отдельный поведенческий акт, это сложная система взаимоотношений, в которой выражаются и проявляются различные формы переживаний и поведения всех участников процесса.

Зарубежные исследователи по-разному видят вклад личностных и социально-средовых факторов в природу этого феномена. Так, например, Е. Роланд считает, что социально-средовые факторы и процесс социализации ребенка является определяющим для его включения в школьную травлю в роли булли или жертвы [3]. Между тем, по мнению Д. Ольвеуса, предикторами соответствующего ролевого поведения в ситуации буллинга являются прежде всего качества личности ребенка

[4]. Вне зависимости от точки зрения на природу рассматриваемых процессов подавляющее большинство исследователей сходится в одном – буллинг не только не исчезает, но и приобретает новые формы (например, кибербуллинг).

В Республике Беларусь проблема систематических нападений, травли учащихся стала активно изучаться только в последние десятилетия. Анализ имеющихся работ указывает на отсутствие комплексных исследований, позволяющих выявить систему социально-психологических факторов, определяющих разные аспекты ролевого поведения подростка в ситуации буллинга. Мало работ, позволяющих увидеть всю систему детерминации, которая определяет поведение «жертвы» и «агрессора», недостаточно изучена половозрастная специфика ролевой виктимности и агрессивности школьников.

В этой связи научная задача проведенного исследования как раз и состояла в выделении и диагностике показателей, характеризующих ролевую агрессивность, виктимность, а также особенности групповых отношений учащихся в ситуации конфликтного взаимодействия. С нашей точки зрения, это позволит в будущем использовать полученный опыт в социальной и профессиональной жизни педагогов, социальных работников, психологов и родителей с целью уменьшения проявлений буллинга среди школьников.

3. Диагностический инструментарий и характеристика контингента обследованных

План исследования предполагал проведение диагностики ролевых аспектов поведения, значимых с точки зрения изучения буллинга, а также особенностей групповых отношений учащихся учреждений общего среднего образования, находящихся в различных социально-экономических условиях (город областного значения, город районного подчинения, сельский населенный пункт). Помимо этого, осуществлялась оценка половых различий в выраженности вышеуказанных показателей. Для сбора эмпирических данных применялись методика «Отношения со сверстниками» К. Rigby, Т. Slee (адаптирована на белорусской выборке Н. В. Кухтовой, А. И. Рык) [5] и «Опросник риска буллинга» (авторы – А. А. Бочавер, В. Б. Кузнецова, Е. М. Бианки, П. В. Дмитриевский, М. А. Завалишина, Н. А. Капорская, К. Д. Хломов) [6]. При помощи проводившихся с учащимися индивидуальных

бесед была получена дополнительная информация об обстоятельствах имевшихся ситуаций насилия.

На основании общей схемы возрастной периодизации психического развития человека И.В. Шаповаленко [7] были выбраны границы рассматриваемого возрастного периода (младший подростковый возраст; 10–11 лет) и сформирован соответствующий им контингент обследованных, включающий 41 учащегося ГУО «Средняя школа № 35 имени Н. А. Волкова г. Гродно», 32 учащихся ГУО «Средняя школа № 16 г. Барановичи» и 32 учащихся ГУО «Озерцинская средняя школа № 1» Речицкого района Гомельской области.

Исследование проводилось в период с февраля по июнь 2022 года.

Статистическая обработка данных и последующий анализ выполнялись при помощи программного обеспечения «IBM SPSS Statistics Версия 23». Для проверки гипотез о наличии статистических различий между учащимися различных учреждений образования применялся критерий Краскала-Уоллиса. Для того, чтобы определить, в какие именно моменты различались значения измеренных показателей, проводились апостериорные сравнения при помощи критерия Манна-Уитни со скорректированным уровнем статистической значимости по Бонферрони. Для выявления половых различий также использовался критерий Манна-Уитни.

4. Полученные результаты

Диагностика ролевой агрессивности, виктимности и просоциально-сти поведения учащихся осуществлялась при помощи методики «Отношения со сверстниками».

Было выявлено отсутствие статистически значимых различий между выраженностью склонности к участию в ситуации буллинга в школах всех типов ($\chi^2 = 0,774$; $p = 0,679$). Это может быть объяснено тем, что рассматриваемый показатель в большей степени детерминирован присущей каждому учащемуся индивидуальной агрессивностью, а не действием средовых факторов. Подростки, характеризующиеся высокими значениями рассматриваемого показателя, могут проявлять психологическую, физическую или вербальную агрессию с целью нанесения вреда жертве, могут стремиться запугать ее, третировать, исключить из круга общения и т. п.

В то же время были зафиксированы различия по шкале «Склонность становиться жертвой» ($\chi^2 = 7,602$; $p = 0,022$). Высокие значе-

ния, полученные по соответствующей шкале, позволяют определить школьников, которые систематически и неоднократно подвергались преследованиям, высмеиванию, издевательствам или насилию со стороны сверстников. Указанная склонность меньше всего выражена у учащихся ГУО «Средняя школа № 35 имени Н. А. Волкова г. Гродно», немного сильнее у учащихся ГУО «Средняя школа № 16 г. Барановичи» и еще сильнее – у ГУО «Озерщинская средняя школа № 1» Речицкого района Гомельской области. Множественные сравнения с учетом величины поправки Бонферрони подтверждают существование значимых различий только между Гродненской и Озерщинской школами ($U = 419,000$; $p = 0,007$). Учитывая, что основным виктимогенным фактором в контексте рассматриваемой проблемы являются сложившиеся взаимоотношения в группе сверстников, можно говорить об их большей субъективной значимости для сельских детей. В условиях городской жизни ребенок имеет более широкий доступ к различным видам деятельности, более разнообразный досуг, в ряде случаев более широкий круг общения. Все это в известной степени позволяет снизить (или даже вовсе нивелировать) остроту переживаний, вызванных негативным опытом общения со сверстниками в конкретной группе, за счет замещения их позитивными эмоциями, полученными «из других источников». Тем не менее, имеющиеся результаты подтверждают влияние социальной среды на формирование ролевого поведения подростка – в первую очередь в части принятия роли «жертвы».

Также имеются различия и по показателю «Склонность к просоциальному поведению» ($\chi^2 = 7,370$; $p = 0,025$). Шкала просоциальности определяет, насколько школьники дружелюбны и бескорыстны. Рассматриваемые качества меньше всего выражены у учащихся ГУО «Средняя школа № 16 г. Барановичи» и практически одинаково – у ГУО «Средняя школа № 35 имени Н. А. Волкова г. Гродно» и ГУО «Озерщинская средняя школа № 1». Множественные сравнения с учетом поправки Бонферрони показывают существование значимых различий только между гродненской и барановичской школами ($U = 438,000$; $p = 0,015$). Можно предположить, что основной причиной является влияние т. н. мезофакторов, к которым относятся субкультурные и региональные условия (наличие рекреативной инфраструктуры, социальнопрофессиональные и демографические

структуры населения, его культурный уровень, социально-психологический климат в школе и т. п.).

Определенный интерес представляют и половые аспекты ролевой агрессивности, виктимности и просоциальности младших подростков. Были выявлены различия между мальчиками и девочками по показателю «Склонность к участию в ситуации буллинга» ($U = 964,000$; $p = 0,013$). У мальчиков в этом возрасте предсказуемо сильнее выражена склонность к буллингу по сравнению с девочками. Обнаруженные различия (и большая склонность мальчиков к буллингу) совпадают с аналогичными результатами, полученными другими исследователями [8].

В то же время, например, Г. Э. Бреслав [9] считает утверждение, согласно которому мальчики более склонны к проявлениям агрессии, не совсем справедливым, так как агрессия у девочек (а затем и девушек) выглядит несколько иначе. Агрессия у мальчиков обычно проявляется более открыто, грубо, она менее управляема и контролировать её ребята начинают позже, чем девочки. Кроме того, до сих пор сохраняется стереотипный взгляд общества на то, что девочкам не пристало проявлять свою агрессивность, и поэтому их гораздо раньше начинают учить сдерживать её. Есть и ещё одно отличие. Девочки более сензитивны и впечатлительны, грубое проявление агрессии обычно им не свойственно. Поэтому они весьма рано заменяют физическую агрессию вербальной, с детства приучаются камуфлировать агрессивность, например, иронией и сарказмом. Согласно литературным данным особенно заметна разница между агрессивностью полов как раз между 10 и 14 годами.

По показателям «Склонность становиться жертвой» и «Склонность к просоциальному поведению» статистически значимых половых различий не обнаружено.

Одним из центральных вопросов в решении проблемы буллинга является качество групповых отношений. В проведенном исследовании для диагностики особенностей групповых отношений учащихся был использован «Опросник риска буллинга».

Анализируя полученные с его помощью результаты (шкала «Небезопасность групповых отношений»), можно сделать вывод, что средовые факторы не вносят существенный вклад в формирование негативной составляющей групповых отношений младших подростков.

Альтернативным полюсом групповых отношений служит показатель благополучия. Соответствующая шкала характеризует устойчивость границ, соблюдение правил и утверждение уважения как нормы в группе. С ее помощью выявляют факторы, способствующие доверию и открытому диалогу в школе и, как следствие, снижению вероятности травли. Благополучие групповых отношений выражено в различных учреждениях образования следующим образом: наиболее сильно у учащихся ГУО «Средняя школа № 35 имени Н. А. Волкова г. Гродно», наиболее слабо – ГУО «Средняя школа № 16 г. Барановичи», ГУО «Озерщинская средняя школа № 1» занимает промежуточное положение. Сравнение с соответствующими данными для младших подростков, опубликованными разработчиками методики [6] показывает, что полученные нами результаты заметно ниже. Возможно, это связано со школьной спецификой и действием упомянутых выше мезофакторов.

Показатель разобщенности членов группы направлен на оценку отсутствия сплоченности, величины дистанции между подростками, а также между ними и учителями, связанными с отсутствием инструментов влияния друг на друга. Высокие показатели характеризуют неконтролируемость группы и выбор стратегии избегания контактов среди участников в силу отсутствия поддержки и возможности диалога. Это не обуславливает буллинг напрямую, однако при развитии ситуации травли снижает вероятность его прекращения, поскольку в группе отсутствуют взаимовыручка и поддержка. Анализ полученных значений, показывает, что наименьшей разобщенностью обладают подростки из гродненской школы, промежуточное положение занимают учащиеся барановичской школы, а наибольшая разобщенность характерна для озерщинской. В исследовании, на которое мы уже ссылались [6], соответствующий средний показатель, приведенный для младших подростков, существенно ниже. Чем вызваны более высокие показатели разобщенности у белорусских подростков? Деформациями в становлении основных структурных компонентов личности из-за влияния средовых факторов? Особенности развития коллектива класса? Превалированием эмоциональной компоненты в групповых отношениях? Точный ответ на эти вопросы смогут дать только последующие исследования.

«Показатель равноправия членов группы» демонстрирует способность группы к принятию различий участников, распределение ролей и возможность конструктивных, позитивных коммуникаций. Высокие баллы по этой шкале означают, что в группе распределены роли, есть отрефлексирующая социальная определенность и есть диалогические отношения, что снижает тревогу и защищает группу от риска разворачивания травли на фоне выстраивания системы социальных статусов. Статистически значимых различий между школами по анализируемому показателю нет ($\chi^2 = 5,717$; $p = 0,057$). Как нам представляется, для младших подростков большую роль играет сама идея равноправия как несомненной социальной ценности, а не реальная оценка характера групповых отношений.

Половые различия, связанные с оценкой групповых отношений мальчиками и девочками, были выявлены только по показателю небезопасности групповых отношений ($U = 1035,000$; $p = 0,045$). Мальчикам их класс представлялся более опасным нежели девочкам. Это связано с тем, что у мальчиков (на фоне свойственной им более сильной выраженности склонности к буллингу) большие риски столкнуться непосредственно с физическим насилием. В то время, как у девочек, эти риски существенно ниже. Без всякого сомнения групповые отношения, «подкрепленные» риском столкнуться с физическим насилием будут выглядеть как небезопасные.

По остальным переменным («Благополучие групповых отношений», «Разобщенность членов группы» и «Равноправие членов группы») статистически значимых различий по полу не обнаружено.

5. Заключение

Без всякого сомнения знание психологических характеристик участников буллинга необходимо для совершенствования подходов к осуществлению мероприятий по снижению интенсивности его проявлений во взаимоотношениях между учащимися. Однако, буллинг представляет собой исключительно многоуровневое явление, обусловленное действием не только индивидуально-личностных, но и социально-средовых факторов. Было установлено, что средовые факторы ответственны за формирование в первую очередь виктимности у младших подростков, а также их склонности к просоциальному поведению.

Для условий Республики Беларусь можно выделить и другие отличительные особенности процессов взаимодействия учащихся данного

возраста, значимые в контексте анализа проблемы буллинга и насилия. Так, например, средние показатели склонности к участию в ситуации буллинга и склонности становиться жертвой несколько ниже по сравнению с соответствующими показателями учащихся Российской Федерации. В то же время существенно более высоким является уровень разобщенности и более низким уровень благополучия групповых отношений.

Как и других странах, у белорусских младших подростков отчетливо проявляется половая дифференциация склонности к буллингу – у мальчиков она выше чем у девочек.

В проведенном исследовании мы практически не касались вклада семейного контекста в развитие отношений травли среди детей. Этому есть свое объяснение. Нам представляется вполне справедливой следующая мысль, высказанная авторами методики «Опросник риска буллинга»: поскольку семейные особенности недоступны для «широкополосной» психологической работы со школьными классами, лучше сосредоточиться на школьном контексте как наиболее доступном для измерений [6].

Мы также не касались и темы взаимоотношений в системе «учитель-ученик», но, как показывает практика, эта часть школьной реальности вполне может способствовать возникновению и поддержанию буллинга. Имеющиеся в литературе данные демонстрируют, что социальная структура класса оказывает прямое влияние на агрессивное поведение. В свою очередь управление классом оказывает прямое влияние на распространенность издевательств над другими детьми и косвенное влияние на эту переменную через социальную структуру. Совместное влияние руководства и социальной структуры класса на эффективность запугивания школьников весьма существенно.

Словом, тема буллинга настолько многообразна, что учесть абсолютно все ее аспекты в одном небольшом по объему исследовании просто не представляется возможным. С нашей точки зрения, полученные результаты позволяют уточнить характер групповых отношений и поведения школьников в ситуациях травли, а также стимулировать дальнейшие исследования социального поведения учащихся.

Список использованной литературы

1. Селиванова, О. А. Профилактика агрессивности и жестокости в образовательном учреждении: монография / О. А. Селиванова, Т. С. Шевцова. – Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. – 231 с.

2. Olweus, D. Bullying at school: What we know what we can do. / D. Olweus. – N.Y.: Wiley-Blackwell, 1993. – 152 p.
3. Roland, E. Classroom influences on bullying / E. Roland, D. Galloway // Educational Research. – 2002. – 44 (3). – pp. 299–312.
4. Olweus D. Bully/victim problems among school children in Scandinavia / Olweus D./ In J.P. Myklebust, R. Ommundsen (Eds.), Psykolog profesjonen mot ar. – Oslo: Universitetsforlaget. – 1987. – 413 p.
5. Кухтова, Н. В. Адаптация методики «Отношения со сверстниками» (анкета для детей по изучению буллинга) К. Rigby, Т. Slee / Н. В. Кухтова, А. И. Рык // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 1. – С. 54–60.
6. Бочавер А. А. Опросник риска буллинга (ОРБ) / А. А. Бочавер и др. // Вопросы психологии. – 2015. – № 5. – С. 146–157.
7. Шаповаленко, И. В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) : учебник для студентов вузов / И. В. Шаповаленко. – М.: Гардарики, 2007. – 349 с; с. 346–347.
8. Раттер М. Помощь трудным детям / Раттер М. – М.: Прогресс, 2003. – 210 с.
9. Бреслав, Г. Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности: учебное пособие для специалистов и дилетантов / Г. Э. Бреслав. – СПб. : Речь, 2006. – 321 с.

УДК 159.9

ПРОЯВЛЕНИЯ БУЛЛИНГА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

А. П. Муляревич, А. В. Музыченко

Республика Беларусь, г. Минск, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
anka.mulyarevitch@yandex.ru, muzychenko10@mail.ru

В настоящее время проблема буллинга среди подростков в образовательной среде становится все более актуальной. Предпосылкой любого вида насилия является отсутствие уважения к личности человека. Чаще всего буллингу подвергаются подростки со стороны своих сверстников, однако бывают такие ситуации, когда буллингу подростки подвергаются со стороны родных и учителей. Ситуацию буллинга можно рассмотреть как сложившуюся систему отношений и ролей между людьми.

Начало исследования феномена буллинга положили скандинавские ученые, среди которых Д. Олвеус, П. П. Хайнеманн, А. Пикас и Е. Ро-